

Дело становилось всё более запутанным.

Коу Дун украдкой разглядывал крестьянина. Тот двигался совершенно естественно, ничем не выдавая себя: с виду — обычный деревенский житель, от макушки до пят. И лишь зажатая в его кулаке фотография служила Коу Дуну немым напоминанием: перед ним далеко не простой человек.

Здесь крылась какая-то иная связь, которую он до сих пор не сумел нащупать.

Немного подумав, Коу Дун вполголоса обратился к Е Яньчи:

— Думаю, нам нужно ещё раз навеститься в храм.

Е Яньчи спорить не стал.

— Один из призраков мёртв, — тихо произнёс Коу Дун. — Хочу проверить, изменилось ли что-то с лампадами.

Он отчётливо помнил те масляные светильники, на которых были начертаны имена жителей.

Проскользнуть внутрь незамеченными оказалось непросто. К счастью, на улице разгорелась нешуточная перепалка между маской Нуо и возвращавшимися с похорон крестьянами. Караулившие храм мужчины невольно отвлеклись на шум, помедлили секунду и, нехотя переставляя ноги, побрели разузнать, в чём дело.

Пользуясь моментом, Коу Дун бесшумно приоткрыл тяжёлую дверь и скользнул в образовавшуюся щель.

При дневном свете храм выглядел иначе. Красное покрывало с головы идола уже сняли, и теперь в лучах солнца божество восседало на своём престоле с грозным величием. Из-за плотных рядов погребальных хоругвей и занавесей струился тонкий белый дымок, затягивая алтарь полупрозрачной дымкой.

Однако лик его не имел ничего общего с привычным милосердием святых — в изгибе бровей и разрезе глаз сквозило ледяное, бездушное высокомерие. Проходя мимо подножия, Коу Дун поймал себя на жутковатом ощущении: казалось, раскрашенные чёрные зрачки скользнули вниз и уставились прямо на него.

Не обращая внимания на мороз по коже, он прошёл вглубь святилища к рядам лампад и принялся считать их.

— Раз, три, пять...

Не успел он сбиться, как Е Яньчжи ровным голосом произнёс:

— Сто пятьдесят семь.

Малыш соображал и считал куда быстрее.

Коу Дун запнулся.

— В прошлый раз было сто пятьдесят восемь.

Призрак погиб — и его светильник погас навсегда.

Е Яньчжи промолчал.

После недолгого молчания Коу Дун озвучил догадку, от которой у него самого по спине пробежал холодок:

— Те призраки, что прячутся под масками Нуо... Что, если все они — когда-то погибшие деревенские?

От этой мысли становилось не по себе. Ему очень не хотелось проводить параллели между живыми и мертвецами. Он задумчиво перебирал взглядом лампы, чувствуя, как на сердце ложится тяжёлый камень. В воздухе клубилась белесая дымка, принося густой, удушливый аромат сандала.

— Пора уходить, — негромко шепнул Е Яньчжи.

Кивнув, Коу Дун двинулся в обход алтаря к выходу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как снаружи раздались голоса: караульные уже вернулись и снова заняли свои посты у дверей. Один из них прильнул к щели, подозрительно вглядываясь в полумрак храма.

Коу Дун замер на месте и торопливо отступил в густую тень за колонной.

— Скверно, — выдохнул он одними губами. — Ход отрезан.

Сталкиваться с местными лицом к лицу в его планы не входило. Бог весть, как они отреагируют на чужака, осквернившего их святыню, но ничего хорошего ждать точно не приходилось.

То ли ему показалось, то ли каменное лицо идола действительно потеплело, а углы губ едва заметно приподнялись в насмешливой ухмылке.

Коу Дун сердито зыркнул на изваяние.

«Чему радуешься, истукан? — подумал он. — Псих ненормальный».

— Ничего страшного, — успокоил его Е Яньчжи. — Раз днём здесь выставили стражу, само святилище нас не тронет. Смертельная ловушка захлопывается только с наступлением темноты.

Именно ночью здешний бог пробуждается и карает незваных гостей.

Коу Дун, уже лишившийся здесь одного бумажного человечка, с сомнением спросил:

— Значит, переждём внутри?

— Да, останемся здесь, — подтвердил Е Яньчжи.

В скрытых законах этого мира он ориентировался куда лучше.

Раз уж их заперли, Коу Дун решил зря времени не терять и принялся не торопясь исследовать убранство. Пользуясь дневным светом, он внимательно изучал расписные колонны и покрытые фресками стены.

На них была изображена божественная трапеза: небожители верхом на конях и волах, сияя чудесными знаменами, устремлялись в заоблачную высь небесных чертегов. Коу Дун то и дело натывался на знакомые лики: Чжун Куй, Божество земли, Эрлан-шэнь... Их лица точь-в-точь повторяли узоры на масках Нуо, а под ногами клубились расписные облака.

Теперь стало ясно, откуда взялись рисунки на масках — их просто скопировали со здешних стен.

Прогуливаясь вдоль росписи, Коу Дун зашёл в самый дальний угол храма. Здесь стена была украшена изображением небесной девы, рассыпающей цветы. Она стояла на самых кончиках пальцев, грациозная и величавая, словно гордый журавль перед взлётом.

Коу Дун застыл. Он с сомнением взгляделся в рисунок, затем сравнил его с остальными сюжетами. Эта фреска явно выбивалась из общего стиля.

Пока он размышлял, Е Яньчжи наклонился вперёд и провёл крошечной ладонью по штукатурке.

— Что там? — спросил Коу Дун.

Малыш нажал на изображение и, нахмурившись, констатировал:

— Стена неровная.

Коу Дун мигом всё понял. Коснувшись пальцами расписной поверхности, он ощутил под ладонью едва заметные шероховатости и бугорки — слишком грубые для мазков кисти художника. Казалось, за слоем краски что-то скрыто.

Коу Дун повернул голову и встретился взглядом со своим приёмышем.

— Снимем?

Е Яньчжи решительно кивнул:

— Сдирай.

Коу Дун принялся ощупывать стыки у самого пола, пока пальцы не наткнулись на едва заметный шов. Приложив усилие, он стал медленно, стараясь не шуметь, поддевать край полотна. С тихим шорохом настенное росписное покрытие отошло, обнажая то, что так тщательно прятали от посторонних глаз.

Коу Дун судорожно вздохнул и невольно отшатнулся.

За сорванным холстом оказалась ещё одна фреска. Из клубов золотистого тумана в окружении мифических тварей на него смотрело божество. Лик его, ясный и безмятежный, светился кротким милосердием, а в тонких пальцах покоился нежный цветок. В его мягком, сострадательном взгляде не было и следа жестокости нынешнего идола.

В тёмных глазах отражались коленопреклонённые толпы смертных, на которых бог взирал с глубокой, щемящей грустью. Рядом с этим величественным, милостивым образом грубое изваяние на алтаре казалось лишь дешёвой подделкой.

Но потрясло Коу Дуна другое. Не отрывая взгляда от нарисованного лика, он медленно поднял руку и коснулся собственной щеки.

— Это... я?

Божество на древней картине обладало его собственным лицом!

В ту же секунду голова у него пошла кругом. Белый ладанный туман хлынул из глубины зала, застывая взор плотной пеленой. Сквозь глухой гул до его слуха донеслись отчаянные мольбы

сотен голосов.

— О великий бог, молим тебя...

— Смилуйся над своими рабами, защити нас!..

И тут же зазвучал его собственный голос — ровный, величественный и бесстрастный:

— Чего вы просите?

Из толпы на коленях выполз человек и принялся неистово биться лбом о камни. Это был староста — только гораздо более дряхлый и измученный, чем теперь, когда Коу Дун встретил его в деревне. Старик раз за разом с силой прикладывался лбом к каменным плитам, превращая лицо в кровавое месиво, но продолжал исступлённо повторять:

— Молим о покровительстве!..

Наконец он поднял залитую кровью голову и выдохнул:

— Подари нам вечную жизнь!

— Вечной жизни!

— Бессмертия! — разнеслось эхом под сводами.

Разум Коу Дуна затуманился. На миг он действительно почувствовал себя тем самым богом, к которому взывала эта безумная паства. Глядя сверху вниз на бушующее море просителей, он ощутил растерянность и после долгого колебания едва слышно произнёс:

— Нет...

Лицо старосты исказилось.

— Что ты сказал?

И божественный голос ответил:

— Жизнь и смерть подвластны великому закону природы...

Стоило этим словам прозвучать, как толпа застыла. Движения молящихся прекратились. Они медленно, синхронно подняли головы, и у Коу Дуна перехватило дыхание: вместо человеческих лиц на него пялились синекожие, клыкастые, уродливые хари. Это были маски призраков!

— Зачем нам бог, который отказывает в милости? — зашипели они со всех сторон. — Зачем нам бесполезный бог?..

Безумная орда хлынула к подножию престола. Сотни рук потянулись к нему, цепляясь, толкая и нанося удары, точно пытаясь утащить в самую глубокую бездну преисподней. Воздуха в лёгких не осталось. Куда ни глянь — всюду скалились обезумевшие твари, чьи черты дышали лютой, первобытной завистью и ненавистью.

Где-то внизу раздался сухой треск. Коу Дун опустил взгляд и с ужасом понял: это крошились его собственные ступни. Всё это время он был лишь каменным изваянием.

— Очнись! — прозвенел над самым ухом знакомый голос.

В ту же секунду сквозь клубы удушливой белизны прорвалась рука и уверенно схватила его. Коу Дун интуитивно почувствовал: этот человек никогда не причинит ему вреда. Не раздумывая, он крепко вцепился в спасительную ладонь, и Е Яньчжи единым мощным рывком выдернул его из пучины кошмара.

Распахнув глаза, Коу Дун увидел перед собой рассерженное личико малыша. Е Яньчжи буквально кипел от ярости, сквозь зубы процедив:

— Грязный трюк...

Коу Дун растерянно моргнул. Разум всё ещё блуждал в тумане, мешая соображать.

— Курильница, — коротко пояснил кроха. — Дым отравлен. Этот мерзавец затянул тебя в своё иллюзорное видение.

— Иллюзия?.. — переспросил Коу Дун, не сводя взгляда с фрески.

На стене по-прежнему красовался его собственный портрет — величественный, окружённый сонмом верных почитателей.

Е Яньчжи обхватил его лицо крошечными ладонями, заставляя смотреть только на себя, и твёрдо произнёс:

— Это морок. Даже если когда-то здесь действительно случилось нечто подобное, тот бог — не ты. Не поддавайся на его уловки.

С этими словами малыш снова одарил каменного идола испепеляющим взглядом.

— С самого начала знал, что от этой твари добра не жди.

Каменное изваяние хранило безмолвие, словно незаслуженно обиженное.

Высказав всё, что думает об идоле, Е Яньчжи дождался, пока Коу Дун окончательно придёт в себя, и спросил:

— Что ты там увидел?

Коу Дун в подробностях пересказал видение. Выслушав его, малыш глубоко задумался.

— И что стало с тем божеством? — спросил Коу Дун.

Лицо Е Яньчжи посерьёзнело. Он с минуту колебался, глядя на спутника, но всё же вымолвил горькую правду:

— Его убили.

Коу Дун изумлённо вскинул брови.

— Но как? Ведь боги...

—...бессмертны? — мягко закончил за него Е Яньчжи. — Ты это хотел сказать?

Юноша кивнул.

— Это иллюзия, — покачал головой малыш. — Сила любого божества держится исключительно на вере его паствы. Стоит людям отвернуться от своего заступника, и он угасает, лишившись источника жизни.

Он выдержал паузу, и на его губах заиграла горькая усмешка.

— Но глупые крестьяне этого не понимали. Их сожрала зависть.

Людям суждено стареть и умирать, в то время как объект их поклонения вечно оставался юным и невредимым. Каждый день принося дары тому, кого не брал тлен, они копили в душах яд. И в конце концов потребовали у своего покровителя того же дара — вечной жизни.

Но бог не мог переписать законы мироздания. Тогда ослеплённые яростью люди разбили алтарь, полагая, что лишь наказывают строптивного покровителя. Они и не догадывались, что совершают хладнокровное убийство.

Истинный хранитель пал, а освободившееся место мгновенно заняла та скверна, что восседает здесь сейчас. С тех пор деревня превратилась в личную игрушку этого злого духа, где и живые, и мёртвые — лишь покорные пешки в его чудовищной партии.

Но одна загадка по-прежнему не давала Коу Дуну покоя.

— Если всё так, — вполголоса рассуждал он, — зачем этот лжебог раскрыл передо мной прошлое?

На этот вопрос у Е Яньчи не нашлось ответа, и в храме вновь воцарилась тишина.

Коу Дун медленно поднял голову, всматриваясь в застывшие черты идола. Ему показалось, что каменный лик подёрнулся тенью глубокой, невыразимой скорби. Тёмные, безжизненные глаза смотрели прямо на него — пристально, с затаённой тоской.

Когда караульные наконец разошлись, Коу Дун осторожно приоткрыл дверь и проскользнул наружу. Приближался час суда — стрелка часов неумолимо близилась к восьми вечера, но у ритуальных стульев пока не было ни души.

Коу Дун занял первое место. Спустя пару минут из вечерних сумерек выплыла фигура в маске Эрлан-шэня и безмолвно опустилась на соседнее сиденье.

— Сегодня нас совсем немного, — негромко заметил Эрлан-шэнь, бросив взгляд на пустующий ряд. — Остальные запаздывают?

Коу Дун уже собирался согласиться, как вдруг уловил едва заметный аромат. Спустя мгновение он понимающе улыбнулся под своей маской и ответил:

— Зато ты сегодня на удивление рано.

— Задержалась у одного из местных... — тихо пожаловался Эрлан-шэнь. — Представляешь, этот упрямец наотрез отказался пускать меня в дом.

Коу Дун сохранял полное спокойствие.

— Из-за этого вы и повздорили?

— Ты видел? — в его голосе скользнуло смущение. — Дикие люди, никакого воспитания. Я ведь просто хотела зайти погреться, а они устроили сцену...

Она принялась в красках расписывать грубость деревенских жителей, а Коу Дун вежливо кивал, делая вид, что внимательно слушает собеседника. Тем временем на площади один за другим начали появляться остальные участники.

В этот вечер занятыми оказались лишь девять стульев. Ряды неумолимо редели, и даже обычно беззаботный Эрлан-шэнь заметно занервничала.

— Всё сходится, — раздался тихий голос Е Яньчжи.

Накануне их оставалось одиннадцать. В первом раунде погиб человек, во втором — призрак. Минус двое.

Значит, в самый первый день правила были нарушены кем-то третьим.

— Похоже, дело в том бедолаге на кладбище, — задумчиво протянул Коу Дун.

Тогда у них не было возможности проверить, выжил ли несчастный после нападения. Судя по жуткому шуму, тот игрок должен был либо погибнуть, либо получить тяжелейшие увечья. Однако среди собравшихся никто не хромал и не выказывал признаков слабости.

Е Яньчжи легонько коснулся щеки юноши своей крошечной ладонью и озвучил догадку:

— Что, если смерть в этом мире не означает выбывание из игры? Что, если погибший игрок просто перерождается в призрака?

«Вполне возможно», — мысленно согласился Коу Дун.

Получается, стереть человека или монстра с шахматной доски насовсем можно лишь одним способом — заставив его проиграть в ночном голосовании.

— Придётся держать ухо востро, — прищурился он. — Посмотрим, что принесёт эта ночь.

Судом под покровом тьмы вновь руководило само безмолвное божество. После того как Коу Дун так нагло воспользовался лазейкой, Белая маска Нуо больше не показывался — организаторы явно решили перестраховаться и перекрыть все обходные пути.

Коу Дун даже слегка взгрустнул: выводить из себя этого холодного надсмотрщика было на редкость забавным занятием.

Впрочем, остальным игрокам сейчас было явно не до веселья.

Первый жребий указал на номер четыре — Ян Жэня. Его целью стал номер семь — Бычий дух. Ян Жэнь хладнокровно объявил соперника человеком. Когда с седьмого сорвали маску, под ней действительно оказалось смертное лицо.

Под личиной Бычьего духа скрывалась женщина средних лет. Побледнев как полотно, она беззвучно глотала слёзы. Помощи ждать было неоткуда. Четвёртый номер неторопливо кружил вокруг своей жертвы, нисколько не стыдясь содеянного — напротив, в каждом его шаге сквозило хищное торжество.

Коу Дуну не составило труда разгадать эту пантомиму. Обычный человек, обрёкший товарища по несчастью на лютую смерть, никогда бы так себя не вёл.

Вывод напрашивался сам собой: под маской Ян Жэня скрывался самый настоящий призрак.

Это открытие слегка озадачило юношу. Пришлось мысленно пересмотреть правила игры: выходит, жребий не делает различий между живыми и мёртвыми.

Е Яньчжи, уловив его замешательство, тихо шепнул:

— Похоже, условия для всех одинаковы. Призракам тоже жизненно необходимо находить настоящих людей.

Чтобы втереться в доверие, нечисть старательно разыгрывала роль испуганных игроков. По законам этой жестокой забавы призраки не знали друг друга в лицо, а потому вынуждены были вычислять смертных по их поведению при свете дня. Ошибись они и указали на своего же собрата, умело притворяющегося человеком, их ждала бы та же участь — мгновенная огненная казнь.

Коу Дун согласно кивнул, продолжая внимательно следить за разворачивающимся действием.

Во втором раунде право выбора пало на Божество очага. Тот без колебаний указал на Судью.

Судья поднялся со своего места, мелко дрожа всем телом. Коу Дун впился в него взглядом — несчастный беспрестанно бормотал под нос какие-то бессвязные оправдания, точно не верил в происходящее.

А вот Е Яньчжи, присмотревшись к его подолу, негромко произнёс:

— Это вчерашний Смеющийся монах.

Коу Дун изумился:

— Откуда ты знаешь?

Сегодня он ни разу не пересёкся с Судьёй, да и те немногие, кто встречал его на улице, уверяли, что тот не проронил ни слова, отчаянно оберегая свою тайну.

— На его одежде осталась одна улика, — пояснил малыш.

Коу Дун проследил за его взглядом. И действительно, на спине длинного одеяния Судьи красовалось крошечное тёмное пятнышко — след испачканного в грязи пальца.

В ту же секунду в памяти Коу Дуна вспыхнула вчерашняя сцена с Рыбьим духом, которого так подло предал Смеющийся монах. Тот долгое время лежал ничком прямо позади ликующего монаха и вполне мог оставить эту метку на его спине.

— Маску он сменил, а вот переодеться не догадался, — тихо добавил Е Яньчжи.

Сам того не ведая, Смеющийся монах подписал себе смертный приговор.

Коу Дун перевёл взгляд на застывшее Божество очага. В голове шевельнулось смутное подозрение.

— Божество очага выбрало его слишком быстро... Без малейших сомнений.

Он даже не пытался приглядываться к остальным маскам. Будь они чужими людьми, убийца проявил бы хоть каплю нерешительности. Однако в позе Божества очага сквозило жестокое удовольствие, словно он упивался возможностью низвергнуть свою жертву в преисподнюю.

— Тут возможны два варианта, — холодно отозвался Е Яньчжи. — Либо нынешнее Божество очага — близкий товарищ вчерашнего Рыбьего духа, который по наводке друга отыскал предателя, чтобы отомстить за него.

— Вряд ли, — покачал головой Коу Дун. — В такой игре командная работа полностью ломает баланс. Система бы этого не допустила.

— Тогда остаётся второй путь, — спокойно заключил малыш. Он прищурился, глядя на грозную маску Божества очага. — Этот палач... и есть вчерашний Рыбий дух.

Коу Дуна передёрнуло.

Сметённый ужасом Смеющийся монах рухнул на колени посреди площади.

— Нет, пощади! — запричитал он, захлёбываясь слезами. — Не выбирай меня, умоляю!..

Этот визг окончательно развеял все сомнения Коу Дуна. Перед ними действительно ползал тот самый подлец, что накануне предал своего спасителя.

Юноша украдкой глянул на соседа. Эрлан-шэнь сидел неподвижно, никак не выдавая своих мыслей.

Стоявший напротив мститель не проронил ни слова. Он медленно приблизился к хнычущему монаху и стальной хваткой вцепился ему в макушку.

— Нет, только не я! Это ошибка! — забился в истерике монах.

— Именно ты, — раздался из-под маски вкрадчивый, торжествующий голос Рыбьего духа.

Пальцы на голове несчастного сжались ещё сильнее.

— Ты за всё заплатишь!

Среди зрителей пронёсся приглушённый гул. Многие сразу узнали этот хриплый тембр — вчерашний Рыбий дух. Тот самый, что сгорел заживо прошлой ночью. Но как мертвец ухитрился восстать из пепла и вновь занять место за столом?

Догадка громом поразила Смеющегося монаха. Он мелко задрожал и с бесконечным ужасом воззрился на своего мучителя.

— Это невозможно... Ты же...

Но восставший из мёртвых лишь безумно расхохотался. Заломив голову монаха назад, он проорал, глядя прямо в каменные очи божества:

— Он человек! Я указываю на человека!

Идол взирал на эту драму со своим обычным холодным безучастием.

С диким треском маска Нуо была сорвана с лица обречённого. Под ней обнаружился мужчина

с мелкими, бегающими крысиными глазками. Однако сейчас его взгляд был затуманен слезами, а из горла вырвался протяжный, полный животного страха вопль.

— Пощадите... Не надо!

Но сострадания в кругу масок не было — каждый здесь помнил, с какой лёгкостью этот трус вчера отправил на костёр своего спасителя.

Коу Дун слегка повернул голову к Эрлан-шэню.

— Что скажешь? — негромко спросил он. — Вчера ты, кажется, искренне желала Рыбьему духу отыграться.

Он проводил взглядом бьющегося в истерике человека, и в его голосе зазвучали весёлые нотки:

— Именно. Наконец-то шоу становится по-настоящему захватывающим.

Голосование завершилось, и зрители начали неспешно расходиться. Обречённые — Смеющийся монах и ни в чём не повинная женщина в маске Бычьего духа — так и остались сидеть на холодной земле. Ни один из них не питал иллюзий насчёт своей участи. Они прекрасно помнили предсмертный крик прошлой жертвы и знали: как только на деревню опустится полночь, адские гончие явятся за их душами.

Рыбий дух и Ян Жэнь замерли неподалёку. Их неподвижные, бездушные личины хищно стерегли добычу, дожидаясь заветного часа.

Коу Дун поднялся со стула, но чувство смутной тревоги так и не оставило его.

— Погибшие игроки возвращаются на доску... — вполголоса поделился он сомнениями с малышом. — Но в каком качестве? Судя по тому, как держится Рыбий дух, он возродился призраком.

— Без сомнения, — подтвердил Е Яньчжи.

В противном случае Рыбий дух не остался бы дожидаться ночи. Вскоре здесь начнётся кровавый пир, и будь он человеком, сам легко превратился бы в корм.

— Но тогда математика не сходится, — нахмурился Коу Дун. — Пропавших слишком много. Если сгоревший призрак исчезает бесследно, пустующим должен был остаться лишь один стул. Откуда тогда три свободные вакансии?

Они медленно брели по узкой деревенской улочке, пытаясь выстроить логическую цепочку. Вдруг дверь одного из покосившихся домов распахнулась, чумазый мальчишка выплеснул на дорогу таз помоев и тут же скрылся внутри.

— Шустрый какой, — машинально пробормотал Коу Дун.

Но стоило словам слететь с губ, как его прошиб холодный пот. В памяти вспыхнул ослепительный образ.

Во время первых похорон, на которых ему довелось присутствовать, он мельком видел сироту покойного крестьянина. Тогда это лицо показалось ему смутно знакомым, но он не придал этому значения. Теперь же, сопоставив факты и правила ночного суда, Коу Дун наконец сообразил, где встречал этого мальчишку.

Черты лица ребёнка один в один повторяли облик того самого призрака, которого сожгли в первый же вечер!

От этого открытия Коу Дун застыл как вкопанный.

— Что случилось? — встревожился кроха.

Юноша долго молчал, переваривая жуткую истину, прежде чем выдать:

— Похоже, мы с самого начала играли не по тем правилам.

Е Яньчжи нахмурился.

— Поясни.

— Например, — Коу Дун судорожно сглотнул, — я думал, будто крестьяне просто ищут козлов отпущения, чтобы спасти свои шкуры. Но что, если после гибели прежнего заступника они все до единого пали от рук разгневанного нового божества?

Малыш удивлённо приоткрыл рот.

— Ты хочешь сказать...

— Все здешние жители уже давно мертвы, — зловеще прошептал Коу Дун. — Тебе знакомы правила игры в прятки? Тот, кто водит, может вернуть себе нормальный статус лишь в одном случае — если догонит и осалит другого игрока, передав ему проклятую роль.

Здесь действует тот же чудовищный закон. Нечисть, скрывающаяся под двенадцатью масками Нуо, должна во что бы то ни стало сожрать живого человека. Только тогда проклятый сможет сбросить личину монстра и вернуться к привычной мирной жизни в деревне.

Вот почему деревенские ликовали на похоронах сожжённых игроков!

Их радость была искренней. В могилу ложилось пустое тряпье, в то время как их близкие, насытившись плотью несчастных чужаков, наконец-то получали долгожданную свободу. Им больше не нужно было скитаться во тьме безмолвными тенями в белых балахонах.

Они вновь становились людьми.

Коу Дун зажмурился, справляясь с накатившей дурнотой. Затем решительно развернулся и бросился к дому, где проходили самые первые поминки. Он с силой забарабанил в деревянную дверь.

Изнутри слышались тяжёлые шаги, и грубый мужской голос недовольно спросил:

— Кого там принесло?

Юноша промолчал.

Створка со скрипом отворилась, и на пороге показался хозяин. Коу Дун впился взглядом в его лицо. Ошибки быть не могло — именно этот человек в первую ночь со звериным аппетитом терзал плоть несчастного игрока.

Перед ним стоял Циньтун — невредимый и празднующий своё жуткое перерождение.

<http://bllate.org/book/18984/1952543>